

«ВСЕПОНИМАЮЩИЙ» ФИЛОСОФ

Мы продолжаем публикацию материалов о жизни и творчестве выдающегося русского мыслителя, потомственного белгородца Н.Н. Страхова, 190-летие которого будем отмечать осенью 2018 года (начало «Вести БелГУ» № 3, № 5, 2018 г.). Сегодня речь – о Страхове в кругу Аполлона Григорьева, Фёдора и Михаила Достоевских.

ОСНОВАТЕЛИ «ПОЧВЕННОЧЕСТВА»

В 1852 году старший учитель физики и математики Одесской второй гимназии Н.Н. Страхов переводится в Петербург на должность старшего учителя естественной истории во Вторую гимназию им. императора Александра I. Вскоре он дебютировал как литератор («Современник» опубликовал стихотворение «Ночная заметка» в № 6 за 1854 год) и как учёный (в 1857 году он защитил магистерскую диссертацию по зоологии). В 1859 году в еженедельном журнале «Русский мир» были помещены «Письма об органической жизни» Н.Н. Страхова. Публикация имела успех и привлекла внимание одного из самых ярких русских писателей и литературных критиков Аполлона Григорьева. Вскоре состоялось их очное знакомство. Страхов считал себя учеником Григорьева (хотя был всего лишь на четыре года его моложе) и стал сторонником григорьевского метода «органической критики». В «Воспоминаниях об Ап. А. Григорьеве» (1864) Страхов отмечает, что Григорьев был «зрячее и чутче других», что он имел полное право принимать в журнал «тон человека, власть имущего», что письма его читались в редакции «Времени» «вслух для общего назидания». В 1876 году, спустя более 10 лет после смерти Григорьева, Н.Н. Страхов на собственные средства издал первый том его сочинений. Вместе с Аполлоном Григорьевым и братьями Достоевскими Страхов стал одним из основателей литературно-философского направления «почвенничества», русской герменевтики, как теперь его называют.

***

60-е годы XIX века называли эпохой гласности. Для Н.Н. Страхова – это время сверхактивной интеллектуальной работы. Он трудится редактором и пишет десятки статей литературно-философского характера в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха», «Отечественных записках», «Журнале Министерства народного просвещения», «Светоце», «Русском вестнике» и др. Под псевдонимом Н. Косица Страхов публикует ряд шумевших статей против Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, М.И. Антоновича и др. писателей революционно-демократического направления. В это же время выходят его рецензии на романы И.С. Тургенева «Отцы и

дети» и Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Тогда же Страхов публикует математическую работу «Решение неравенств первой степени», научно-философские статьи и очень много занимается переводами естественнонаучных и историко-философских сочинений (в год переводит до тысячи страниц с немецкого, английского и французского языков).

***

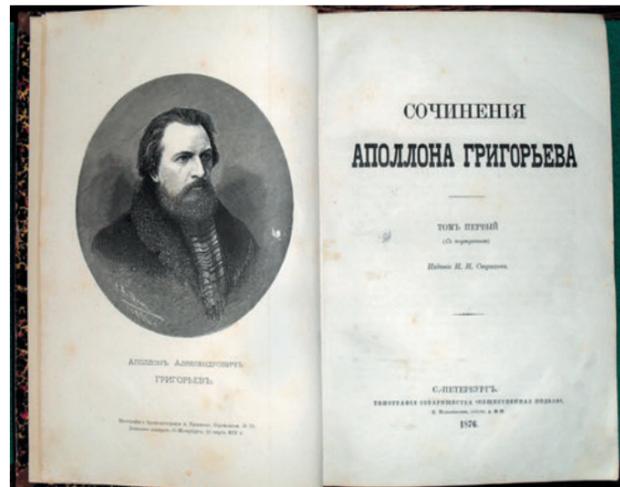
В 1863 году во «Времени» под псевдонимом «Русский» Страхов публикует статью «Роковой вопрос». Она становится поводом для закрытия журнала. С обвинениями анонимного автора в полонифильстве выступили газеты «Московские ведомости» (издаваемые М.Н. Катковым) и «День» И.С. Аксакова. Уладить дело помогли письма Н.Н. Страхова, разъясняющего свою позицию, в редакции этих газет (неопубликованные) и выступление Каткова («По поводу статьи «Роковой вопрос», опубликованное в «Русском вестнике»). «... Я с этих пор попал на замечание и состоял на нём лет пятнадцать, так что два или три раза, когда издатели журналов предлагали мне редакторство, цензура отказывалась утвердить меня в звании редактора», – писал Страхов.

***

Весьма драматично складывались отношения Н.Н. Страхова с Ф.М. Достоевским: от сердечной близости и теснейшего сотрудничества до сильного, досадного для обоих охлаждения в 70-е годы XIX века. В начале 1860-х годов они вместе путешествовали по Швейцарии и Италии. В конце 1860-х годов Достоевский высоко оценил талант Страхова как критика. «Ясно, логично, твердо сознанный мысль, написанная изящно до последней степени <...> В конце концов, я считаю Вас за единственного представителя нашей теперешней критики, которому принадлежит будущее», – писал он.

“ Ты можешь быть уверен, что давно уже – со времён юности ни к кому в мире я не писал так много и так часто, как к тебе, мой всепонимающий философ...”

(Аполлон Григорьев – Николаю Страхову. Оренбург, 1881 год, 23 сентября)

Н.Н. Страхов, в свою очередь, замечал у Достоевского «способность к очень широкой симпатии, умение симпатизировать жизни в очень низменных её проявлениях, пронизательность, способную открывать истинно человеческие движения в душах искажённых и подавленных, по-видимому, до конца» («Отечественные записки», 1867 г.).

В годы близости Н.Н. Страхов был свидетелем на свадьбе Ф.М. Достоевского. После кончины писателя Страхов стал основным организатором издания посмертного собрания сочинений Ф.М. Достоевского и одним из двух его первых биографов (наряду с О.Ф. Миллером).

ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Подорожная от Одессы до С. Петербурга старшему учителю Одесской второй гимназии Николаю Страхову, перемещённому туда на службу. (Публикуется впервые)

Дом И. Иоахима по Большой Мещанской на Васильевском острове. В этом доме Н.Н. Страхов жил во время работы в журналах братьев Ф.М. Достоевских. Рядом с домом – храм во имя св. Николая Чудотворца

Н.Н. СТРАХОВ. ВОСПОМИНАНИЯ О Ф.М. ДОСТОЕВСКОМ

Часа в три пополудни мы сходились обыкновенно в редакции с Фёдором Михайловичем, он после своего утреннего чаю, а я после своей утренней работы. Тут мы пересматривали газеты, журналы, узнавали всякие новости и часто потом шли вместе гулять до обеда. Вечером в седьмом часу он опять иногда заходил ко мне, к моему чаю, к которому всегда собиралось несколько человек, в промежутки до наступающего вечера. Вообще он чаще бывал у меня, чем я у него, так как я был человек холостой и меня можно было навещать, не боясь никого обеспокоить. Если у меня была готовая статья или даже часть статьи, он обыкновенно настаивал, чтобы я прочёл её. До сих пор слышу его нетерпеливый и ласковый голос, раздававшийся среди шумных разговоров: «Читайте, Николай Николаевич, читайте!»

ИЗ РЕЦЕНЗИЙ Н.Н. СТРАХОВА

НА РОМАН Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Что же сделал г. Достоевский? Он, очевидно, взял задачу сколь возможно глубже, задачу более трудную, чем осмеивание безобразий натур пустых и малокровных. Его Раскольников хотя страдает юношеским малодушием и эгоизмом, но представляет нам человека с задатками твёрдого ума и тёплого сердца. Это не фразёр без крови и нервов, это – настоящий человек. Этот юный человек тоже строит теорию, но теорию, которая, именно в силу его большей жизненности и большей силы ума, гораздо глубже и окончательнее противоречит жизни, чем, например, теория об обиде, наносимой даме целованием её руки, или другие подобные. В угоду своей теории он также

ломает свою жизнь; но он не впадает в смешное безобразие и нелепости; он совершает страшное дело, преступление. Вместо комических явлений перед нами совершается трагическое, то есть явление более человеческое, достойное участия, а не одного смеха и негодования. Затем разрыв с жизнью, в силу самой своей глубины, возбуждает страшную реакцию в душе юноши. Между тем как прочие нигилисты спокойно наслаждаются жизнью, не целуя рук у своих дам и не подавая им салопов, и даже гордясь этим, Раскольников не выносит того отрицания инстинктов человеческой души, которое довело его до преступления, и идёт в каторгу. Там, после долгих лет испытаний, он, вероятно, обновится и станет вполне человеком, то есть, живую человеческую душу.

Совершенно ясно, что автор изображает своего героя с полным состраданием к нему. Это не смех над молодым поколением, не укору и обвинения, это – плач над ним. Несчастный убийца-теоретик, этот честный убийца, если можно только сопоставить эти два слова, выходит тысячекратно несчастнее простых убийц. Ему было бы несравненно легче, если бы он совершил убийство из гнева, из мщения, из ревности, из корысти, из каких хотите житейских побуждений, но не из теории.

С невыразимым мучением он чувствует, что насилуе, совершённое им над своею нравственною природою, составляет большой грех, чем самый акт убийства. Оно-то и есть настоящее преступление.

Журнал «Отечественные записки», 1867 г.

НА РОМАН «ОТЦЫ И ДЕТИ»

«...лучшее доказательство действительности Базарова есть самый роман; Базаров в нём так верен самому себе, так полон, так щедро снабжён плотью и кровью, что назвать его сочинённым человеком нет никакой возможности. Но он не есть ходячий тип, всем знакомый и только схваченный художником и выставленный им «на всенародные очи». Базаров во всяком случае есть лицо созданное, а не только воспроизведённое, предугаданное, а не только разоблачённое».

Журнал «Время», 1862 г.